

Стальной Волк

Том 1

Рунный еретик

Денис Ган

**Стальной волк. Книга
1. Рунный еретик.**

«Автор»

2026

Ган Д.

Стальной волк. Книга 1. Рунный еретик. / Д. Ган — «Автор»,
2026

Дмитрий Горский погиб в Сирии, но вместо вечности очнулся в теле подростка-дворянина, которого здесь называют «пустотелым» — человеком без магии. Его новый род разорён, враги уже протягивают руки к его сестре, а единственный дар, который у него есть, — система, создающая артефакты ценой его собственного здоровья. Руны, которые он чертит, могут превратить ржавый гвоздь в оружие, а кусок железа — в защитный амулет. Но каждая активация сокращает его жизнь. Выжить в мире, где магия — привилегия аристократии, а руны считаются ересью, можно только одним способом: стать сильнее всех. Первая кровь, первые враги и битва за то, что осталось от семьи. В этом мире слабых не жалеют, а система «Еретик» никогда не прощает ошибок. Система, крафт, попаданец, первый враг, борьба за семью.

© Ган Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог:Последний рейд	5
Глава1. Пустотелый	7
Глава2. Первая кровь	13
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Денис Ган

Стальной волк. Книга 1. Рунный еретик.

Пролог: Последний рейд

Позиция: пригород Алеппо, Сирия. Время: 02:43. Температура за бортом: плюс сорок, даже ночью.

Дмитрий Горский, позывной «Дикий», лежал за грудой битого кирпича и считал патроны. Ружье АК-74М — двадцать три. В подсумке — ещё один, полный. Пистолет — три в магазине и один в патроннике. Маловато. Он мысленно прокрутил расклад: если палить короткими очередями, можно растянуть боекомплект на пять минут. Если в одиночку — на три. Если бежать — хватит на десять, но «духи» переключат отход. Выход один: прикрыть группу, дать им уйти, а самому задержать врага, даже если это будет стоить жизни. Не в первый раз.

— «Ветер», я — «Дикий». Группа готова к отходу, но «духи» зажали перекрёсток. Нужна поддержка с воздуха. Приём.

В наушнике шипело мёртвое радио. Как всегда, когда поддержка нужна больше всего.

— «Ветер», приём. Твою мать...

Сзади, метрах в пятидесяти, завыл двигатель. «Камри» без фар. Тормозная жидкость свистит — битая, едет на колёсах, которые вот-вот отвалятся. Сейчас начнётся. Дикий на мгновение зажмурился, вспоминая небо над Россией. Серое, низкое, с редкими облаками. Там было холодно, даже летом. А здесь — пекло, которое плавит мозги. Он подумал, что если выживет, то купит себе билет до Владивостока и уедет к чёртовой бабушке. Но такие мысли были роскошью, которую он не мог себе позволить.

— Командир, — хрипел в рацию молодой, «Химик», — у меня двое «трёхсотых». Если не вытащим их за десять минут — всё.

Дикий прикрыл глаза. Три секунды. Просчитал варианты. Все вели к одному: он останется, группа уйдёт.

— «Химик», слушай сюда. Я захожу с юга, отвлекаю. Вы ползёте по канаве на север, к разбитому универмагу. Там бронежилеты снимаете и ноги в руки. Я догоню.

— А ты, командир? Там их человек десять.

— У меня патронов двадцать три. Как раз на десятерых. Выполнять.

Дикий вскочил. Не потому, что был героем. Просто так было надо. Своих не бросать — это не пафос. Это единственный способ не сойти с ума в этой мясорубке. Если начнёшь жалеть себя — сдохнешь первым. Он проверил подсумок — последняя граната Ф-1. «Лимонадка», как называли её в учебке. Если что — можно рвануть вместе с ними.

Первая очередь — короткая, в сторону фонаря на столбе. Стекло брызнуло осколками, в переулке стало темно. Ответка — автоматная и беспорядочная. «Духи» палили вслепую, освещая себя вспышками. Профессионалы, чёрт бы их побрал.

Дикий перекатился, сменил позицию. Два выстрела — два тела упали. Третий — в того, кто пытался фланговый обход.

Классика жанра. Улица, руины, грохот. Где-то далеко плакал ребёнок. Дым от горящих покрышек ел глаза.

— «Дикий», мы в универмаге! — крикнул «Химик». — Давай к нам!

— Иду.

Дикий рванул вдоль стены, пригибаясь. До разбитой витрины оставалось метров пятнадцать. Двенадцать. Десять.

Удар пришёл не спереди. Сбоку, из подвала, где он не проверил. Короткая очередь из ПКМ в упор. Первая пуля вошла в левое плечо, разрывая ткани и кость. Вторая — в бок, пробивая лёгкое. Третью он не почувствовал.

Дикий упал на колени. Роняя автомат. Кровь хлынула изо рта тёмной, почти чёрной струёй.

Небо над Алеппо было звёздным. Каким-то неправильно чистым. Он подумал о том, что не выпил тот коньяк, который берёт на день рождения. О том, что не сказал матери, что любит её. О том, что «Химик», наверное, успеет вытащить пацанов. И, может быть, там, за горизонтом, его ждёт что-то другое. Не война. Не смерть. Просто тишина.

Потом всё погасло.

И загорелось снова. Но уже другим светом — холодным, зелёным, пульсирующим на грани восприятия.

[СИСТЕМА: ОБНАРУЖЕН НОСИТЕЛЬ]

[СТАТУС: КРИТИЧЕСКИЙ. ТЕЛО: НЕСОВМЕСТИМО.]

[ПОИСК АЛЬТЕРНАТИВЫ... НАЙДЕНО.]

[МИР: РОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ. НОСИТЕЛЬ: СООТВЕТСТВИЕ 43%.]

[ЗАПУСК ПЕРЕНОСА...]

[ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: ПОТЕРЯ ПАМЯТИ 17%. ДОПУСТИМО.]

[ОШИБКА: МАГИЧЕСКИЙ ДАР ОТСУТСТВУЕТ.]

[АКТИВАЦИЯ РЕЗЕРВНОГО ПРОТОКОЛА: «ЕРЕТИК»]

Дикий попытался выругаться, но не смог. У него больше не было рта.

Была только тьма. И зелёные буквы, вплавляющиеся в сознание.

А потом — удар. Холод. Запах немытого тела и кислой капусты.

И чужой, тонкий, ломающийся голос, кричащий в темноте:

— Не трогайте меня! Я ничего не сделал!

Он открыл глаза.

Над ним стоял потолок из чёрных, прогнивших балок.

А в углу, под грудой тряпья, кто-то возился и похрюкивал. Или плакал.

Дикий — теперь уже Дмитрий Волков — попытался сесть и понял, что тело его не слушается.

«Классика, — подумал он сухо. — Переродился. В дерьме. Без оружия. С голодным желудком и кучей проблем».

Он улыбнулся пересохшими губами.

«Хоть не в раю. В раю было бы скучно».

Глава 1. Пустотелый

Запах был первым, что вернулось. Рвота, невымытое тело, кислая капуста и что-то горелое. Смесь, от которой у нормального человека слезятся глаза. У меня слезились. Но не от запаха.

Я открыл глаза и пожалел об этом.

Надо мной нависал потолок из чёрных, прогнивших балок. Сквозь щели сочился серый утренний свет. В углу, под грудой тряпья, кто-то возился и похрюкивал — то ли крыса, то ли младший брат владельца этого «номера люкс».

Тело не слушалось. Совсем.

Я попытался сесть и чуть не вырубился от прострела в пояснице. Позвоночник трещал, как старый табурет. Руки — две тонкие палки с синими венами. Ладони — как у девятилетней девочки. Ногти обломаны, под ними грязь вековой давности.

— Твою мать... — выдохнул я осипшим, тонким голосом.

Это был не мой голос. Мой бас, ломавший стёкла в переговорах, остался там. В Сирии. Или в Чечне. Или в том гараже под Краснодаром, где меня, суки, и настигли.

Память ударила так резко, что я зажмурился.

Перестрелка. Мы отходили через базар. Трое «духов» засели в здании бывшей школы. Я прикрывал группу. Дымовая завеса, две очереди, пережат. И — глухота. Не звон, а именно глухота, когда мир выключают. Удар в грудь, как от кувалды. Упал на спину, увидел небо. Серое, как сейчас. И провал.

И вот я здесь. В теле, которое даже дерьмо не удержит, если что. В Чечне я тоже начинал с нуля. С пустыми руками. С одним ножом. И выжил. Значит, и тут выживу.

— Димка! — раздался снаружи грубый, прокуренный голос. — Вставай, урод! Отец зовёт! Если опоздаешь к завтраку — голову откручу! Понял?!

Дверь, которую я принял за стопку гнилых досок, содрогнулась от удара ногой. Щепки посыпались на пол.

Голос принадлежал тому, чьи воспоминания теперь ворочались на задворках моего сознания. Алексей. Старший брат. Воздушник. Маг первого ранга. Гордость семьи и мудака редкого пошиба.

Я сел, преодолевая тошноту. Посмотрел на руки. Свои. Новые.

— Димка, мать твою! — снова рявкнули за дверью.

— Иду, — хрипло ответил я.

В голосе не было страха. Только усталость и холодное любопытство.

Пока я шёл к выходу, перебирая ногами, как журавль по болоту, в голове укладывалась картинка. Меня зовут Дмитрий Волков. Мне шестнадцать. Я — «пустотелый». Дворянин без дара. В этом мире это всё равно что кастрат в гареме. Вроде при деле, но смысла ноль.

Отец — Михаил Волков, глава угасающего рода. Земель — одна деревня на пятьдесят дворов. Долгов — клану Вяземских на три поколения вперёд. Мать умерла при родах. Меня, собственно, и родила. Спасибо за жизнь, мама. Подарок тот ещё.

Алексей меня ненавидит. За то, что я — позор. За то, что жрём его ресурсы. За то, что просто существу.

Варя — сестра младшая. Двенадцать лет. Тоже без дара, но её хотя бы не лупят. Пока не доросла.

Всё.

Всё, что я знал об этом мире, помещалось в одну фразу: «Маги правят, а бездари жрут дерьмо».

Ну, посмотрим.

Я перешагнул порог и вышел во двор.

Часть 2.

Двор усадьбы Волковых был не просто бедным — он был мёртвым. Чахлые кусты сирени у забора, покосившийся колодец, из которого за версту несло сероводородом, и три тощие курицы, клевавшие что-то в луже у крыльца.

Главный дом — двухэтажный бревенчатый особняк с облупившейся краской на ставнях. На втором этаже когда-то жили маги. Теперь там жил только ветер.

На крыльце стоял он. Алексей.

Ростом под метр девяносто, плечи — как копна сена. Русые волосы до плеч, наглая ухмылка на квадратной морде. От него пахло потом, железом и едва уловимым озоном — эманацией его драгоценного воздушного дара.

— О, очнулся, мусор, — усмехнулся он. — Я уж думал, ты того... Сдохнешь в своей конуре — меньше возни.

Я посмотрел на него снизу вверх. Шея болела от запрокидывания головы. Тело мелко-вато, конечно. Но смотреть приходилось не на его морду, а чуть левее, на его правую руку. Там, под рукавом рубахи, угадывался напряжённый бицепс. Если решит ударить — будет бить справа. Заученное движение.

— Не сдох, — ответил я сухо. — Где отец?

Алексей моргнул. Не привык, чтобы мусор смотрел в глаза и задавал вопросы.

— В доме. Жрёт щи, пока не остыли. Бегом, сказал.

Он шагнул в сторону, намеренно задев меня плечом. Удар был рассчитан так, чтобы я упал в лужу. Расчёт оправдался на сто процентов. Ноги подкосились, я плюхнулся в холодную жижу. Курицы с кудахтаньем разбежались.

Алексей рассмеялся. Гулко, раскатисто.

— Слабак. Даже на ногах не стоишь.

Я встал. Молча. Страхнул грязь с ладоней. Боль в коленях была тупой и привычной — тело знало этот сценарий. Димка Волков падал каждый день.

Но внутри, где-то за рёбрами, шевельнулась холодная ярость. Та самая, которую я научился прятать ещё во времена «учебки» в Печорах. Ярость не на выплеск. Ярость на счёт.

«Восемь», — мысленно поставил я галочку. — «Девять с половиной, если бить первым».

Он не знал, что теперь внутри не забитый щенок. Он думал, что перед ним всё ещё пустотелый Димка.

Пусть так и думает.

Я вошёл в дом.

Сени пахли кислым тестом и старыми половиками. На кухне, за широким дубовым столом, сидел отец. Михаил Волков. Мужчина пятидесяти лет с лицом, похожим на старую, потрескавшуюся маску. Глубокие морщины, мешки под глазами. Он жевал хлеб, макая его в миску с жидкими щами. Увидел меня, перестал жевать.

— Садись, — кивнул он на лавку напротив. — Живой — и ладно.

Я сел. Напротив меня стояла пустая миска. Щей не было. Вообще никакой еды не было. Только ломоть чёрного хлеба на засаленной доске.

— А есть? — спросил я ровно.

Отец поморщился.

— Забыл, кто ты? Пустотелый жрёт в последнюю очередь. Алексей поест — тогда ты. И то, если останется.

Я молча взял хлеб. Откусил. Корка скребла нёбо, мякиш отдавал горечью лебеды.

«Информация, — застучало в голове. — Социальная структура: маги и немощные. Статус: кормление по остаточному принципу. Вывод: если не покажу результат — сдохну через месяц от голода или побоев. Не вариант».

— Вяземские прислали весточку, — сказал отец, не глядя на меня. — Через неделю придет сборщик. Требуют долг за этот год. Тысячу серебряных.

Я поднял голову. Тысяча. Для семьи, у которой в закромах мышь повесилась — дофига.

— Отдадим? — спросил я.

Отец хмыкнул горько.

— Нечем, Димка. Продать нечего. Земля — болото. Лес — без зверья. Даже крепостных выкупили за бесценок, одни старики остались. Если не заплатим — Вяземские заберут остатки земли. А нас вышвырнут в поле. Как псов шелудивых.

— И что ты предлагаешь? — спросил я, жуя хлеб.

Отец посмотрел на меня удивлённо. Словно впервые видел.

— А ты что предлагаешь, сын? Силой нет. Магии нет. Ума — тоже, видимо, раз вопросы такие задаёшь.

Я не ответил. Встал, забрал свою миску и вышел во двор.

Варя ждала у колодца. Маленькая, худая, с мышинными хвостиками и большими карими глазами. На ней был драный сарафан, перепачканный золой.

— Дима, ты в порядке? — спросила она шёпотом. — Лёшка опять тебя ударил?

— В порядке, — ответил я. — Слушай, Варь. У нас в доме есть какие-нибудь старые вещи? Деда, прадеда? Пергаменты, книги, железки?

Она нахмурилась, подумала.

— В подвале, — сказала она. — Там, где дрова раньше лежали. Сундук старый. Мама говорила, там всякая ересь. Дедовы чертежи.

— Дедовы чертежи? — переспросил я, и внутри что-то ёкнуло. — Покажи.

Варя взяла меня за руку. Её ладонь была тёплой и шершавой. Живой. Единственное тёплое пятно в этом мире похоронной процессии.

Мы пошли к подвалу.

Часть 3.

Подвал пах смертью. Не в переносном смысле. Буквально — дохлой крысой и плесенью. Ступени скрипели так, что, казалось, сейчас рассыплются в труху. Варя шла первой, держа ржавую масляную лампу. Свет прыгал по стенам, выхватывая груды битых горшков, старые сани без полозьев и сгнившие мешки с чем-то, что когда-то было зерном.

В углу, за поленницей из чёрных от времени берёзовых поленьев, стоял он. Сундук.

Небольшой, окованный медными полосами, которые успели позеленеть. Замок — в виде волчьей головы с оскаленной пастью. Глаза — два мутных красных камня.

— Отец говорил, его открыть нельзя, — прошептала Варя. — Заклятие рода. Только кровь Волкова.

Я подошёл ближе. Провёл пальцем по холодному металлу. Острые края полос царапнули подушечку. Выступила капля крови.

— Дима, не надо, — испуганно сказала сестра. — А вдруг там порча?

— Если там порча, то даже лучше, — ответил я, выдавливая на медную волчью морду кровь. — Сдохну быстро. Все проблемы решатся.

Она пискнула, но не убежала.

Замок щёлкнул. Глухо, тяжело, как удар под дых. Красные глаза камней мигнули и погасли. Крышка сундука медленно, с протяжным стоном, поползла вверх.

Изнутри пахло сухой древностью. Бумагой, кожей и... озоном? Нет. Чем-то другим. Металлом. Машинным маслом. Бензином? Откуда в шестнадцатом веке бензин?

— Свети сюда, — скомандовал я, заглядывая внутрь.

В сундуке лежали вещи. Старые, странные. Свернутый в трубку пергамент, исписанный рунами, которых я никогда не видел — острые, угловатые символы, похожие на трещины в

стекле. Несколько металлических пластин с гравировкой. И... кольцо. Простое стальное кольцо без камня, с выцарапанным на внутренней стороне словом.

Я взял кольцо. Тяжёлое. Слишком тяжёлое для его размера. Надевать не стал, просто зажал в кулак.

Взял пергамент. Развернул.

Руны ожили.

Не магия. Не свет. Просто... знание. В голове будто щёлкнуло. Одна руна, первая слева, сложилась в слово: Твердь. Прочность. Вторая — Острота. Третья — Скорость.

«Формулы, — понял я без подсказок. — Это чертежи. Инструкции. Как собрать не магию, а... механику силы».

— Дима, что это? — Варя смотрела расширенными глазами.

— Не знаю, — честно ответил я.

В этот момент кольцо в моей руке стало горячим. Невыносимо. Я разжал ладонь, чтобы выбросить его, но поздно. Раскалённая сталь вплавилась в кожу. Я заорал. Не от боли — от неожиданности. Боль была острой, но короткой. Секунда — и всё.

На ладони остался отпечаток. Волчья морда. Точь-в-точь как на замке сундука.

Перед глазами, поверх реальности, поплыли зелёные буквы.

[СИСТЕМА АКТИВИРОВАНА]

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ: ДМИТРИЙ ВОЛКОВ

КЛАСС: РУНОЛОГ (ЕРЕТИК)

УРОВЕНЬ: 1

НР: 12/18 [|||||] (ИСТОЩЕНИЕ)

ФОКУС: 0/10 [|||||] (КРИТИЧЕСКИЙ НОЛЬ)

АКТИВНЫЕ РУНЫ: ТВЕРДЬ, ОСТРОТА.

ДОСТУПНЫЕ ФОРМУЛЫ: НЕТ (УРОВЕНЬ <2)

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ:

НИЗКИЙ ФОКУС. АКТИВАЦИЯ РУН ВОЗМОЖНА

ТОЛЬКО ЗА СЧЕТ НР. РИСК ЛЕТАЛЬНОГО

ИСХОДА ПРИ ПЕРЕГРУЗКЕ.

БЛИЖАЙШАЯ ЦЕЛЬ:

ВЫЖИТЬ 7 ДНЕЙ ДО ПРИБЫТИЯ СБОРЩИКА.

Я выдохнул. Медленно, сквозь зубы.

— Варь, — сказал я, не оборачиваясь. — Ты видишь это?

— Что? — испуганно спросила она. — Кольцо? Ты обжёгся, Дима. У тебя рука красная.

— Всё, — ответил я. — Выходим. И никому ни слова.

Я сунул пергамент за пазуху, закрыл сундук крышкой. Взял лампу и пошёл наверх, оставляя сестру позади.

Колотилось сердце. Впервые за много лет.

Не страх. Азарт.

Часть 4.

Ночью я не спал.

Сидя на своей лежанке, при тусклом свете сальной свечи, я разглядывал пергамент. Две руны. Всего две. Система сказала — доступны. Но для формулы нужно минимум три. Значит, третью нужно найти или создать.

Способности. Шкалы. Фокус ноль. НР — двенадцать из восемнадцати. Исхудавший организм. Если я сейчас попробую активировать хотя бы одну руну, она вытянет энергию из здоровья. Из этого немощного, голодного тела.

«Стальная воля», — всплыло в голове. Навык, которого у меня ещё нет, но который я должен открыть. Возможность тратить НР вместо Фокуса. Сейчас это не способность. Это необходимость.

Я достал из кармана гвоздь — нашёл его в подвале. Ржавый, кривой, но металл. Материал.

Погладил пальцем шляпку гвоздя.

— Твердь, — сказал я шёпотом.

Пергамент на груди потеплел. Руна внутри моего сознания загорелась тусклым, серым светом. Я почувствовал, как невидимый крюк вонзился в живот и потянул наружу. Не боль. Пустота. Словно кто-то высасывал из меня жизненную силу через трубочку.

АКТИВАЦИЯ РУНЫ: ТВЕРДЬ

ФОКУС: 0/10. ЗАПРОС: +8.

НЕДОСТАТОЧНО. ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ НА НР...

НР: 12/18 4/18

РИСК: КРИТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ЗДОРОВЬЯ.

РЕКОМЕНДАЦИЯ: НЕМЕДЛЕННЫЙ ОТДЫХ.

Гвоздь в моей руке задрожал. Ржавчина осыпалась серой пылью. Металл потемнел, стал плотнее, тяжелее. Я стукнул им по камню стенки. Искры. Гвоздь не согнулся. Он остался цел. Абсолютно.

Я едва не вырубился.

Голова кружилась, руки тряслись, перед глазами плыли чёрные пятна. Система показала НР: 4/18. Четыре единицы. Ещё один такой фокус — и я труп.

Но гвоздь, обычный ржавый гвоздь, превратился в артефакт. Простейший. Укреплённый предмет. «Твердь» наложена навсегда.

«Крафт, — подумал я, удерживая сознание. — Не магия. Инженерия. Сделай что-то из ничего, заплатив собой».

Я спрятал гвоздь под подушку и лёг.

Сердце билось где-то в горле. В ушах шумело. Но внутри, под слоем этой адской слабости, пульсировала холодная, ясная мысль.

Система есть. Крафт работает. Опыт дают за создание, а не за убийство.

Я могу сделать из этого дерьма конфетку.

Но сначала нужно выжить до завтра.

И накормить Варю. Потому что если и есть кто-то, ради кого я готов тратить свою жизнь, переродившись в этом гнилом мире — это только она.

Алексей? Отец? Клан Вяземских?

Пусть готовятся.

Стальной Волк не сдох в Сирии. И уж точно не сдохнет от голода в усадьбе дохлых магов.

Часть 5.

Я закрыл глаза и провалился в беспамятство. Сон был чёрным, без снов. Только тупая пульсация в висках и противный металлический привкус во рту — плата за первый шаг.

Разбудил меня не голос. Система.

НОВЫЙ КВЕСТ: «ДОЛГОВАЯ ЯМА»

ЗАДАНИЕ: НАЙТИ 1000 СЕРЕБРЯНЫХ

ДО ПРИБЫТИЯ СБОРЩИКА.

СРОК: 7 ДНЕЙ.

НАГРАДА: ОПЫТ 300. РЕСУРСЫ ДЛЯ

РАЗБЛОКИРОВКИ 3-Й РУНЫ.

ШТРАФ ЗА ПРОВАЛ: КОНФИСКАЦИЯ ЗЕМЛИ

И ИЗГНАНИЕ РОДА.

Семь дней. Тысяча серебряных. У меня в кармане — ничего, кроме укрепленного гвоздя. — Класс, — прошептал я в темноту. — Квест на выживание с нулевым бюджетом.

Я сел на лежанке, свесил ноги. НР восстановилось до 8/18. Фокус — 2/10. Организм медленно, но качался сам собой.

«Что умею? — прокрутил я в голове. — Руна «Твердь». Создаю прочный предмет. На продажу не годится — кому нужен гвоздь, пусть и вечный? Нужно что-то ценное. Оружие. Инструмент. Что в этом мире ценят?»

Воспоминания Димки подсказывали: магические артефакты стоят бешеных денег. Но у меня нет магии. Есть руны. Если я смогу создать артефакт, который усиливает удар или режет магическую броню — купцы выстроятся в очередь.

Но для формулы нужно три руны. У меня — две. Третью можно получить за опыт. Опыт — за создание артефактов.

Замкнутый круг.

«Придётся крафтить простое и продавать дёшево, — решил я. — Нарботать уровень. Открыть третью руну. Сделать боевой артефакт. Продать дорого. Заплатить долг».

План был дурацким. Рискованным. Но другого не было.

За окном занимался рассвет. Серый, тоскливый, как вся эта жизнь.

Я взял гвоздь, сунул за пазуху пергамент и вышел из каморки. На кухне уже гремели посудой. Отец ворчал, Алексей хмыкал.

А Варя... Варя спала на лавке, свернувшись калачиком. Живая. Целая. И от этого стало чуть легче.

«Семь дней, — подумал я, глядя на сестру. — Успею. Должен успеть».

Система перед глазами моргнула последний раз.

ДО ПРИБЫТИЯ СБОРЩИКА: 7 ДНЕЙ.

РЕКОМЕНДАЦИЯ: ПОВЫСИТЬ УРОВЕНЬ ДО 2.

Я почувствовал холодное спокойствие. Семь дней. Целая вечность.

Глава2. Первая кровь

1.

Четыре утра. В прошлой жизни это был час подъёма перед выходом на задание. Тело помнило ритуал: холодный душ, зарядка, пробежка, завтрак из двух яиц и риса. Военный режим ввелся в подкорку. Здесь не было душа. Не было риса. Не было даже нормального пола под ногами — одни гнилые доски, которые скрипели при каждом шаге, как зубы мертвеца. Но режим остался. Армия не отпускает, даже когда ты уже мёртв. Она держит тебя за горло ледяной рукой и шепчет: «Вставай».

Я сел на лежанке, свесил ноги. В висках стучало — глухо, размеренно, как метроном, отсчитывающий оставшееся время. Система мигнула, как дежурный фонарь в казарме:

СТАТУС НА 04:03

НР: 8/18 (ВОССТАНОВЛЕНИЕ: 2 ЗА НОЧЬ)

ФОКУС: 3/10

УРОВЕНЬ: 1

ЭФФЕКТЫ: ИСТОЩЕНИЕ (-2 К НР МАКС), ГОЛОД

Восемь единиц здоровья. Три фокуса. Организм — как старая разбитая машина, которая заводится с полоборота и сразу глохнет. Я знал такие машины — в Чечне на них ездили, пока они не вставали намертво, пробитые пулями или просто отказывавшие ехать. Эта пока держалась. Но надолго ли? Каждое утро я просыпался с мыслью, что могу не встать. И каждый раз вставал — просто назло.

«Ничего, — подумал я, натягивая драные портки, которые держались на честном слове и трёх дырках. — Меня и не в таком дерьме закаляли. В Афгане я начинал с пустыми руками, в Чечне — с одним ножом. Тут хотя бы есть гвоздь. Правда, от голода он не спасёт, но сам факт греет».

Тренировка нужна была не для красоты. Я знал по себе: в новом теле первое, что дохнет — это выносливость. Сердце, лёгкие, мышцы. Если их не нагружать сразу, они атрофируются окончательно. Превратятся в труху, как эти доски под ногами. А в мире, где маги стреляют огнём с рук, единственное спасение — двигаться быстрее, чем они успевают прицелиться. Или хотя бы не падать от собственного веса.

Выйдя во двор, я сразу пожалел. Туман висел над землёй такой густой, что в двух шагах ничего не было видно. Воздух пах сыростью, прелыми листьями и холодом — тем самым, который забирается под кожу и грызёт кости. Я босиком ступил на мокрую траву — ноги обожгло ледяной росой, будто сунул их в прорубь. Пальцы мгновенно онемели, ступни стали белыми, как у покойника.

— Работай, — сказал я себе вслух. Голос хрипел, как у курильщика с двадцатилетним стажем, хотя внутри сидел сорокалетний мужик, который никогда не курил. Парадокс. Или просто местная шутка мироздания. Оценил.

Первое — разминка. Наклоны, в стороны, круговые движения головой, плечами, тазом. Суставы щёлкали, как старые половицы. Позвоночник трещал, будто его собирали из гнилых веток, перевязанных бечёвкой. Через пять минут простых упражнений я уже дышал ртом, лёгкие горели, как после газовой атаки. Воздух здесь был сырой, тяжёлый, он не насыщал, а наоборот — вытягивал силы.

Второе — отжимания. Встал на руки, выпрямил спину. Ладони утонули в грязи — холодная жижа облепила пальцы, просочилась под ногти, забила в трещины на коже. Опустился. На первом отжимании руки задрожали, как струны под ветром. На втором — грудную клетку сдавило, будто кто-то поставил ногу и надавил коленом. На третьем — я не опустился, а рухнул

лицом в землю, ободрав щеку о корень, торчащий из земли, как засада. Кожа на скуле лопнула, по лицу потекла горячая капля — кровь смешалась с грязью.

— Твою мать, — выдохнул я, поднимаясь на четвереньках. Перед глазами поплыли зелёные круги, как после контузии, когда рядом разорвался снаряд и мир превратился в желе.

Система:

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: ПЕРЕГРУЗКА МЫШЦ.

НР: 8/18 7/18.

РИСК РАЗРЫВА СВЯЗОК.

Три отжимания. В тридцать четыре года, веся под девяносто килограмм сухой массы, я делал по сорок на раз. Сейчас моё новое тело весило от силы пятьдесят. Кожа да кости. Мышцы — тонкие нити, которые рвутся от малейшей нагрузки. Как будто кто-то взял мой старый организм и сжал до половины, выбросив всё полезное и оставив только бракованный каркас.

«Буду делать столько, сколько могу. Каждый день — плюс одно. Или сдохну — тоже плюс, но уже не мой. В любом случае прогресс».

Я поднялся. Стряхнул грязь с лица. Во рту был привкус земли и крови — щека саднила, будто к ней приложили раскалённую монету.

Приседания. Ноги держались лучше. Десять. Двадцать. Тридцать. На пятидесятом колени захрустели, как снег под ногами. Я остановился — не потому, что устал, а потому, что услышал тревожный щелчок в левом колене. Острый, как выстрел. Сустав не был готов к таким нагрузкам. Ещё десяток приседаний, и я заработаю травму, которая выведет меня из строя на неделю. А неделя — это почти весь срок до сборщика. Целая вечность в масштабах моей жизни и одна секунда в масштабах долга.

«Пятьдесят — норма. Завтра — пятьдесят пять. Если доживу».

Пробежка. Вокруг усадьбы был круг — грунтовая дорога, огибавшая дом, конюшню, сарай и огород. Метров триста, не больше. Триста метров — в прошлой жизни я пробежал их, даже не заметив. Сейчас это была дистанция смерти.

Я побежал. Первые сто метров — нормально. Дыхание сбилось, но я держался. Вторые — в груди зашипало, будто туда воткнули раскалённый прут и медленно проворачивали. На двухсот пятидесятом шаге мир поплыл. Тошнота подкатила к горлу, в ушах зазвенело, а перед глазами заплескали чёрные мухи, как в предсмертном бреду. Я упал на колени прямо посреди дороги, согнувшись пополам. Рвотные позывы сотрясали тело, но рвать было нечем — в желудке пусто, только желчь, которая жгла горло, оставляя вкус горечи и унижения.

Система выдала красное окно, пульсирующее в такт сердцу:

КРИТИЧЕСКАЯ НАГРУЗКА НА ССС.

НР: 7/18 5/18.

РЕКОМЕНДАЦИЯ: НЕМЕДЛЕННЫЙ ОТДЫХ.

ИГНОРИРОВАНИЕ ПРИВЕДЁТ К ОСТАНОВКЕ СЕРДЦА.

Сердце колотилось где-то в горле, пульс достиг двухсот ударов. Лёгкие горели огнём, каждый вдох был как глоток кислоты. Я чувствовал, как кровь толкается в висках, как бешеная, пытаюсь пробить череп изнутри.

— Отдых, — прохрипел я, ложась на спину прямо в грязь. — Отдых, мать его.

Лёжа на холодной земле, я смотрел в серое предрассветное небо. Туман медленно поднимался, открывая верхушки сосен — они казались пальцами мертвецов, тянущихся к небу. Где-то вдалеке кричала птица — то ли ворон, то ли ворона, какая разница. Сырость просачивалась сквозь рубаху, холод лип к спине, как мокрая простыня.

«Что я имею? Физически — ноль. Магически — минус. Руны — две, но для формулы нужно три. Опыта — ноль. Денег — ноль. Срок — неделя до сборщика. Картина маслом: «Утро в деревне, скоро смерть». Художник — неизвестный, но явно с садистскими наклонностями».

Картина была хуже некуда. Но я улыбнулся — растянул пересохшие, потрескавшиеся губы в подобии усмешки. Потому что хуже уже было. Афган, Чечня, Сирия — везде я начинал с нуля. С пустыми руками. С одним ножом и тремя патронами. И каждый раз вывозил. А тут хотя бы гвоздь есть. И сестра, которая верит в меня. И система, которая считает мои мучения в реальном времени.

— Вставай, Дикий, — сказал я себе и поднялся.

Телодвижение далось с трудом, но я заставил себя вернуться к дому. Не бегом — шагом. Экономя каждую единицу здоровья, как последний патрон в подсумке.

У крыльца меня встретила Варя. Она стояла на нижней ступеньке, кутаясь в старый дра- ный платок, который был ей велик на три размера. В руках — кружка, из которой шёл пар. От неё пахло мёдом и теплом — единственный запах в этом мире, который не вызывал тошноты.

— Дима, ты чего так рано? — спросила она, и в голосе звучала тревога. — Весь в грязи. Ты упал?

— Тренируюсь, — ответил я, забирая кружку.

Внутри оказалась тёплая вода с мёдом. Жидкий мёд, почти прозрачный — последние запасы, которые Варя берегла, бог знает для чего. Но сладость обожгла язык, и тепло растеклось по груди, разгоняя холод, который въелся в кости. На секунду я даже забыл, что у меня пять единиц здоровья и три дня до катастрофы.

— Зачем тебе тренироваться? — Варя нахмурилась. — Ты же без дара. Силу не накача- ешь. Дядя Семён говорил, что пустотелые слабыми рождаются и слабыми умирают.

— Дядя Семён — дурак, каких поискать, — сказал я, возвращая кружку. — Сила не только в магии. И не в мышцах. Сила — в голове и в привычках. Если каждый день делать одно и то же — становишься лучше. Маг ты или нет, а грабли одинаково по лбу бьют. И бьют больно, тут уж без скидок на происхождение.

Варя не поняла. Но улыбнулась — той улыбкой, которая была единственным тёплым пятном в этом мире. Её лицо осветилось, и на секунду она стала похожа на мать — ту, которую я никогда не видел, но чьи черты угадывались в изгибе бровей и разрезе глаз.

— Ты странный сегодня, Дима. Как будто... другой.

— Я и есть другой, — честно ответил я. — Просто не показывал раньше. Надоело при- кидываться дураком. Это утомляет, знаешь ли.

Мы вошли в дом. Из кухни пахло щами — жидкими, пустыми, но горячими. Отец уже сидел за столом, хмурый, с мятым лицом, похожим на старую карту местности, где все дороги ведут в никуда. Алексей — рядом, нагло ухмылялся, как пёс, который знает, что его не тронут. Дядя Семён с кузенами ещё не пришли.

— Садись, — бросил отец, не глядя. — Быстро поешь. Сегодня обед будет с гостями.

— С какими? — спросил я, садясь на лавку.

— Семён с сыновьями приедет. Обсуждать долг. — Отец поморщился, будто проглотил что-то горькое и ядовитое. — Вяземские давят. Сборщик через неделю. Нам нужно предложить что-то, кроме земли. Хотя что мы можем предложить, кроме своей беспомощности?

Я промолчал. Налил себе щей — жидких, с парой кусочков капусты и куском чёрного хлеба, который больше походил на подошву.

«Обед, — подумал я. — Значит, унижения. Дядя Семён — тот ещё тип, с красной рожей и аппетитом на чужое добро. Кузены — два балбеса с магией первого ранга, которая им только для того, чтобы пускать мыльные пузыри. Насмешки, тычки, возможно, рукоприкладство. Будет весело, если не сдохнуть от смеха. Или если не задушить одного из них прямо за столом — что было бы, пожалуй, даже веселее».

— Посмотрим, — сказал я тихо, вгрызаясь в хлеб.

Рядом села Варя. Положила руку на мою — тёплую, шершавую, живую. Её пальцы были тонкими, как веточки, но в них чувствовалась сила — та самая, которая держит человека на краю, когда всё остальное рушится.

— Ты справишься, Дима, — шепнула она. — Я знаю.

Я не ответил. Просто кивнул.

Внутри закипала холодная, ясная ярость. Не на Алексея, не на отца, не на дядю. На систему мира, где ребёнка могут продать за долги, а человека без магии называют мусором. На этот гнилой, прогнивший до основания мирок, где ценность человека измеряется его даром, а не его поступками.

За окном окончательно рассвело. Туман рассеялся, открыв вид на чахлый сад и серое низкое небо. Солнце так и не показалось — просто серый свет стал чуть ярче, как будто кто-то прибавил яркость умирающей лампы.

День начинался. И явно не собирался быть добрым.

2.

К полудню дом наполнился гостями. Точнее — родственниками, которых гостеприимством не назвать было даже с большой натяжкой. Они вползли, как мухи на падаль, — шумные, жадные, предвкушающие.

Дядя Семён ввалился первым, шумный, красномордый, в засаленном кафтане, который трещал на объёмном брюхе, как барабан. От него пахло потом, брагой и чем-то кислым — то ли квашеной капустой, то ли застарелой злобой. За ним топали его сыновья — Кирилл и Мирослав. Оба — здоровенные лбы, старше меня лет на пять. У одного дар воды, у другого — воздуха. Первый ранг, считай, позор для настоящего мага, но против пустотелого — боги. По крайней мере, они так думали. И, к сожалению, реальность пока что была на их стороне.

— Здорово, родственнички! — рявкнул Семён, хлопая отца по спине так, что тот кашлянул и едва не уронил миску. — Ну что, Михаил, созрел всё-таки разговор вести?

— Садитесь, — буркнул отец, кивая на лавки. — Щи горячие.

— Щи? — Семён скривился, будто ему предложили объедки. — У тебя дворяне щи хлебают? Ну-ну, барство — оно такое, нищету за гордость выдаёт.

Он сел во главе стола, хотя место отца было там. Отец промолчал — проглотил унижение, как горькую пилюлю. Алексей, сидевший справа, тоже не возражал — он вообще с дядей Семёном якшался за моей спиной, выпрашивая то деньги на выпивку, то поддержку в каких-то тёмных делах.

Я сидел в дальнем конце, рядом с Варей. Кузены устроились напротив, ухмыляясь, как коты, которые увидели мышь. Кирилл облизнулся демонстративно — то ли от голода, то ли от предвкушения.

— Смотрю, пустотелый ещё не сдох, — бросил Кирилл, запуская ложку в миску. — Живучий, как таракан. Даже дохлые тараканы живе́й тебя выглядят.

— Не дождёшься, — ответил я, не поднимая головы. — Тараканы, знаешь, плодятся быстро. А ты, я смотрю, один такой — и уже лишний.

Отец метнул в меня быстрый взгляд — предупреждающий. Мол, не нарывайся. Я сделал вид, что не заметил. Варя сжала мою руку под столом — её пальцы были ледяными.

Первые минуты за столом прошли в напряжённом молчании. Слышалось только хлюпанье щей, стук ложек и тяжёлое дыхание дяди Семёна, который успел выдуть уже две кружки браги. Капли пота стекали по его шее, исчезая в складках жира.

— Михаил, — начал он, отставляя третью кружку. — Ты мне мозги не крути. Вяземские прислали весточку. Через неделю — сборщик. Тысяча серебряных. Где деньги?

— Нет денег, — жёстко сказал отец. — Знаешь сам.

— Вот именно. Нет. — Семён развёл руками, будто предлагал сделку, от которой нельзя отказаться. — Поэтому я и приехал. Предложение хочу сделать. От которого, поверь, ты не сможешь отказаться.

Варя рядом со мной напряглась. Я почувствовал, как её пальцы вцепились мне в рукав, как в последнюю надежду. Она уже знала, что он скажет. Дети в этом мире выросли быстро — особенно дети пустотелых.

— Слушаю, — отец нахмурился.

— Земля твоя — болото. Продать не за что. Амбары пустые. Скотдохлый. Единственное, что у тебя есть ценное — это дочка.

У меня внутри всё оборвалось. Холод пробежал по позвоночнику, как ледяная вода. Но я смолчал. Пока.

— Варьке двенадцать, — продолжал Семён, жуя хлеб, и крошки летели из его рта на стол. — Баба ещё не сформировалась, но уже ничего. Вяземские берут девок в услужение. Платят неплохо. Если отдать её на пять лет — закроешь половину долга. Оставшуюся половину я добавлю из своих. Взамен заберу ту часть земли, что у реки. Идёт?

Отец молчал. Долго. Слишком долго. Каждая секунда его молчания была как удар ножом — медленный, проворачиваемый в ране. Варя замерла, превратившись в маленькую ледяную статую.

— Она ребёнок, — наконец сказал он. — Я не могу...

— Можешь, можешь, — перебил Семён. — Долг — дело чести. Не заплатишь — Вяземские отнимут всё. И землю, и дом, и тебя с детьми выкинут в поле. Там Варьке ещё хуже будет. А у Вяземских — кров, еда, работа. Не барышня, конечно, но жива останется. А ты, главное, голову не теряй — земля у реки, она мне нужна, я на ней огород засажу.

Кирилл хохотнул:

— Да и парни посмотрят на неё. Симпатичная девка вырастет. Может, замуж возьмут. Если до этого никто не испортит.

Я положил ложку. Медленно, чтобы не привлекать внимания. Металл звякнул о дерево — тихий звук, который показался громче выстрела.

— Семён, — сказал я.

Тишина наступила мгновенно. Даже мухи замерли на лету.

— Ты, пустотелый, помолчи, — бросил дядя, даже не глядя.

— Я сказал: Варю — никому.

Голос был тихим. Но в этом шёпоте было столько холода, что даже Алексей замер с ложкой у рта. Семён медленно повернул ко мне свою красную физиономию — глазки свинячьи, заплывшие жиром, уставились с недоумением, будто ему сказали, что куры умеют летать. Я видел, как в его зрачках загорается что-то тёмное — не гнев даже, а раздражение хищника, которому помешали обедать.

— Ты с кем разговариваешь, отброс? — спросил он, повышая тон.

— С тобой, — ответил я, глядя прямо в зрачки. — Варя — не товар. И если ты ещё раз откроешь рот на эту тему, я тебе выбью оставшиеся зубы. Тех, что во рту, уже немного, но я добыю. Ты меня понял, или мне повторить на языке, доступном твоему интеллекту?

На секунду в комнате повисла абсолютная тишина — такая глубокая, что я слышал, как скрипят половицы под ногами Вари. Потом Кирилл заржал. Громко, раскатисто.

— Слышь, батя! Пустотелый угрожает! Умора! Этот доходяга собрался нам зубы выбивать!

Мирослав тоже оскалился, но как-то неуверенно. Он был тупее брата, но чувствовал опасность лучше — звериным чутьём, которое иногда просыпается даже в самых тупых.

Семён побагровел. Жилы на шее вздулись, кулаки сжались так, что побелели костяшки. Лицо из красного стало почти фиолетовым.

— Ты, щенок, — прошипел он, поднимаясь из-за стола. — Я тебя в порошок сотру. Одной левой. Смотреть на тебя тошно — позор рода. Тебя прибить надо, как бешеную собаку, а ты ещё гавкаешь!

Я тоже встал. Медленно, плавно, готовясь к любому движению. Тело ныло, мышцы дрожали, но сознание было кристально чистым, как перед боем.

— Попробуй, — сказал я.

Система выдала сухое предупреждение:

ОПАСНОСТЬ: ДЯДЯ СЕМЁН (УРОВЕНЬ 2)

ФИЗИЧЕСКАЯ СИЛА: ВЫСОКАЯ.

МАГИЯ: ОТСУТСТВУЕТ.

РЕКОМЕНДАЦИЯ: ИЗБЕГАТЬ БЛИЖНЕГО БОЯ.

«Идиот, — сказал я себе мысленно. — У тебя 5 НР, дядя весит под центнер. Один удар — и ты труп. Но отступать нельзя — Варя смотрит. Она запомнит каждую секунду. И если я сейчас сдам назад, она никогда не поверит, что кто-то может за неё заступиться».

Варя смотрела на меня огромными испуганными глазами. Отец — с удивлением и чем-то похожим на надежду. Алексей — с предвкушением побоища, как пёс, который ждёт, когда бросят кость.

— Сядьте оба! — рявкнул отец, ударив кулаком по столу. Ложки подпрыгнули, миски звякнули. — Димка — молчи. Семён — сядь.

Семён не сел. Он переводил взгляд с отца на меня, тяжело дыша, как бык перед корридой. Его грудная клетка вздымалась и опускалась, воздух со свистом выходил через ноздри.

— Твой сын, Михаил, — сказал он зловеще. — Твоя забота. Но если он ещё раз... ЕЩЁ РАЗ... откроет рот при мне, я его покалечу. И плевать, что ты скажешь.

Он плюхнулся на лавку, опрокинул кружку с брагой и вытер рот рукавом. Брага растеклась по столу жёлтой лужей, но никто не шевельнулся, чтобы её вытереть.

— Сиди тихо, отброс, — бросил он мне. — Сиди и радуйся, что я сегодня добрый. Добрый, как голодный волк, который сыт.

Я не сел. Стоял и смотрел на него. Отец дёрнул меня за рукав, заставляя опуститься.

— Сядь, Димка. Ради Варвары. Сядь!

Я сел. Но взгляд от дяди не отвёл. Внутри klokотала ярость — та самая, холодная, которая не выплёскивается наружу, а копится, как вода в резервуаре, чтобы однажды прорвать дамбу и смести всё на своём пути.

— Договорились, — сказал Семён, переключаясь обратно на отца. — Через неделю я привезу сборщика. Деньги должны быть. Если нет — Варька уходит. Точка.

Он встал, кивнул сыновьям:

— Пошли. Здесь воняет пустотелыми.

Кузены нехотя поднялись. Кирилл, проходя мимо, специально задел меня плечом, толкнув так, что я едва не свалился с лавки. Его плечо было твёрдым, как дерево, и от него пахло потом и наглостью.

— Не оглядывайся, мусор, — бросил он. — А то в глаз получишь. У меня, знаешь, рука тяжёлая — от неё даже стены трещат.

Я промолчал. Сжал под столом кулак так, что ногти впились в ладонь, оставляя полумесяцы ран.

Семён вышел, хлопнув дверью. Кузены за ним. Гулко затопали по крыльцу, заржали во дворе, и их хохот долго не стихал, как лай собак, учуявших добычу.

За столом остались отец, Алексей, Варя и я. Тишина давила, как могильная плита.

— Зачем ты это сделал? — спросил отец устало. — Зачем полез? Он же тебя убить мог. И зубы бы выбил — не ты ему, а он тебе.

— Варю не отдам, — ответил я. — Даже если я пустотелый, даже если я слабак. Она — моя сестра. Её — не трогать.

Варя всхлипнула, прижалась ко мне, уткнувшись носом в плечо. Алексей хмыкнул, но ничего не сказал. Впервые за день на его лице не было ухмылки. Недоумение смешалось с чем-то похожим на уважение. Или на страх. Он смотрел на меня так, будто впервые увидел.

— Хорошие слова, — сказал отец. — Но словами долг не закрыть. Через неделю Вяземские придут. И если у нас не будет денег — Варю заберут. Силой. И ты, и я, и Алексей — ничего не сможем сделать против их магов. Они одного уровня с кузенами, но там их пятеро. Пятеро, Димка. Против трёх бездарей и одного воздушника первого ранга.

— У нас есть неделя, — повторил я. — Этого достаточно.

Отец посмотрел на меня долгим, тяжёлым взглядом. В его глазах читалось что-то среднее между надеждой и обречённостью — как у человека, который хочет верить, но уже забыл, как это делается.

— Ты и правда изменился, сын. Не знаю, хорошо это или плохо. Но помни: за словами должны быть дела. А дел у тебя пока нет — только щи да амбиции.

Он встал и вышел из-за стола, волоча ноги.

— Я пошёл. Надо конюшню проверить. Варька, убери со стола.

Варя кивнула, вытирая слёзы. Она старалась держаться, но я видел, как дрожат её губы.

Я сидел не двигаясь, сжимая край столешницы. «Неделя, — думал я. — Семь дней. Нужно создать артефакт. Продать. Раздобыть тысячу серебра. Или найти другой способ. Варю не отдам — даже если придётся убивать. И дядю, и кузенов, и сборщика — всех, кто посмеет тронуть её. Всех до единого».

3.

После обеда я не пошёл ни в сарай, ни в свою каморку. Вместо этого поймал Варю за рукав, когда она выходила из кухни с миской объедков.

— Варь, — сказал тихо, чтобы Алексей не услышал. — У тебя есть что-нибудь из маминых вещей? Книжки? Записи? Рецепты, которые она прятала?

Она уставилась на меня удивлённо.

— Маминь? А зачем тебе? Ты же не алхимик.

— Покажу потом. Есть?

Варя помялась, оглянулась на дверь, за которой отец возился с упряжью, и кивнула. В её глазах мелькнул страх — тот самый, который появляется, когда нарушаешь запрет, но доверие ко мне перевесило.

— Идём. Только тихо. Отец не любит, когда лазают в её вещи. Говорит, там одна тоска.

Мы поднялись на второй этаж, в комнату Варвары — каморка с косым потолком, узким окном, выходящим на лес, и старым сундуком в углу. Пахло пылью, сухими травами и чем-то сладковатым — то ли засушенными цветами, то ли временем. Варя достала из-под кровати ключ — ржавую железку на кожаном шнурке — и открыла сундук. Оттуда пахнуло сухими травами, пылью и сладковатым тлением. Внутри лежали стопки бумаг, тетради в кожаном переплёте, пузырьки с засохшими остатками и странный амулет — медный круг с выцарапанными символами, похожими на руны, но не совсем.

— Мама была алхимиком, — сказала Варя, осторожно перебирая вещи. — Не магом, конечно. Простым аптекарем. Но её настойки даже маги покупали — она умела лечить то, что магия не брала. Говорили, что у неё рука лёгкая.

Я взял одну тетрадь. Открыл. Почерк — аккуратный, женский, с наклоном вправо. Рецепты: от лихорадки, от ожогов, от поноса — обычная деревенская медицина, полезная, но не для нашего случая. Пальцы касались пожелтевшей бумаги, и я чувствовал связь — тонкую, почти неосозаемую, как паутина, — с женщиной, которую никогда не видел, но которая дала жизнь этому телу.

— Варь, а что-то посерьёзнее есть? Не от простуды, а чтобы тело укрепить? Силы добавить? Чтобы я смог бегать, не падая через каждые сто метров?

Она нахмурилась, перебирая тетради.

— Было что-то... Мама говорила, это опасное. Она даже мне не показывала, пока я не подрасту. Вот.

Она протянула мне тонкую, почти прозрачную тетрадь в пергаментной обложке. На первой странице — заголовок, выведенный красными чернилами, будто кровью: «Укрепляющий эликсир второго уровня. Увеличивает физическую выносливость на 30% в течение часа. Внимание: при передозировке — летальный исход. Применять только под наблюдением мага-целителя».

Я пролистал дальше. Три страницы рецепта. Список: корень горечавки, медвежья желчь, настойка железного мха, вода родниковая, мёд. Технология — выпаривание, смешивание, отстаивание. В конце — приписка другим, мужским, грубым почерком: «Без магической очистки — токсичен. После приёма необходима нейтрализация даром целителя (ранг не ниже 3). Использовать без мага — смерть через 6–8 часов. Печень отказывает. Больно».

«Токсичен, — пробормотал я, перечитывая. — Значит, нужна очистка. А у меня нет мага-целителя. Но... есть руны. И идиотское упрямство».

В голове начал складываться план. Руна «Твердь» стабилизирует состав. Руна «Острота» расщепляет примеси. Нужна третья руна — для полной нейтрализации, но её у меня нет. Значит, сначала рискнуть с двумя, надеясь, что «Твердь» с «Остротой» сработают хотя бы частично.

«Риск, — подумал я. — Если ошибусь — взрыв или отравление. Но других вариантов нет. Денег ноль. Время — неделя. Единственный способ быстро заработать — продать артефакт или эликсир. На гвозде с руной «Твердь» много не выручишь, даже если он блеснит, как новый».

— Варь, а ингредиенты есть? Горечавка, мох железный, медвежья желчь?

Варя полезла в сундук глубже, достала берестяной короб. Открыла — внутри пучки сухих трав, коренья, маленький пузырёк с мутной жёлтой жидкостью.

— Горечавка есть. Железный мох — тоже, мама засушила. А желчь... вот, немного осталось. Медведя отец два года назад добыл. Говорил, что на счастье, а оно, видно, ушло в желчь.

— Сколько?

— Полпузырька. На одну порцию хватит. Если не разлить.

Я взял пузырёк, покрутил на свету. Медвежья желчь — один из самых сильных природных катализаторов. В сочетании с рунами могла дать нужный эффект. Или взорвать всё к чертям собачьим. И меня вместе с этой чёртовой баней.

— Варь, а посуда? Котёл какой-нибудь, чтобы варить?

— В чулане, за кухней. Старый глиняный горшок. Мама в нём мази делала. И свечи, кажется.

— Достанешь?

Варя кивнула, но не двинулась с места.

— Дима, что ты задумал? Это опасно. Мама говорила, даже она не рисковала варить этот эликсир без мага. А у тебя даже магии нет. Только две руки, и те дрожат.

— У меня есть кое-что лучше, — ответил я, пряча тетрадь за пазуху. — Не спрашивай пока. Просто помоги. И не говори отцу.

Она вздохнула, но подчинилась.

— Ладно. Только пообещай, что не умрёшь. Мама говорила, что если умрёшь — я останусь одна.

— Обещаю. Я не умею умирать — у меня плохая привычка выживать. И хорошая привычка возвращаться с того света.

Мы вышли из комнаты. Варя — в чулан за посудой, я — во двор выбирать место. В доме нельзя — увидят. В сарае — Алексей. Конюшня — отец. Нужно что-то совсем заброшенное.

За огородом, у самой стены леса, стояла старая баня. Её не топили лет пять — крыша провалилась, внутри пахло плесенью и мышами, но стены ещё держались. И никто туда не совался — боялись, что рухнет на голову.

«Баня, — решил я. — Место для лаборатории. Если взорвётся — хотя бы не жалко. И меня, и баню, и всё это предприятие».

Варя принесла горшок — огромную глиняную махину с оббитыми краями, внутри чёрную от копоти. Поставила на землю.

— Ещё что нужно?

— Вода. Кипяток. Дрова. И чтобы никто не мешал.

— Я принесу, — она убежала.

Я остался один, разглядывая горшок и тетрадь. Сердце колотилось быстрее обычного — не от страха, от предвкушения. В прошлой жизни я не был учёным, я был солдатом. Но чужую технологию применять умел. А руны — это технология. Просто непривычная и опасная, как трофейный гранатомёт, который может выстрелить в тебя же.

«Система, — мысленно позвал я. — Можно применить руны к жидкости при варке?»

Окно появилось почти мгновенно:

ЗАПРОС: РУНЫ НА ЖИДКОСТИ.

ОТВЕТ: ВОЗМОЖНО, НО ТРЕБУЕТ

ПОВЫШЕННОГО ФОКУСА.

ТЕКУЩИЙ ФОКУС: 3/10.

РЕКОМЕНДУЕМЫЙ ПОРОГ: 8/10.

ПРИ НЕДОСТАТКЕ ФОКУСА БУДЕТ

ТРАТИТЬСЯ НР.

РИСК ПЕРЕГРУЗКИ: ВЫСОКИЙ.

«Высокий риск — это моё второе имя. Или третье, после «грёбаного везения» и «идиотской самоуверенности»».

Варя вернулась с вязанкой дров и ведром воды. Мы вдвоём разожгли печь — старую, каменную, с прогоревшим подом. Дыма было много, но тяга работала, огонь разгорелся. Стены бани осветились пляшущими тенями, будто там танцевали мертвецы, пришедшие посмотреть на моё безумие.

— Варь, уходи, — сказал я, ставя горшок на огонь.

— Я хочу посмотреть.

— Нет. Если что-то пойдёт не так — взорвётся. Ты должна быть далеко. Я не хочу, чтобы ты стала вторым ингредиентом.

Она испуганно моргнула, но кивнула.

— Я буду у дома. Если что — кричи.

— Кричать буду в последнюю очередь. И то, если успею. А если не успею — значит, всё пошло по плану.

Она ушла, оставив меня в полумраке с горшком и надеждой.

4.

Огонь лизал дно горшка, вода закипала, пузыри лопались с едва слышным шипением — будто змеи перешёптывались о чём-то своём, древнем и опасном. Я перечитал рецепт в последний раз: горечавка — десять минут, мох — до загустения, желчь и мёд — после снятия. И рунная очистка вместо магии.

«Будет работать, — сказал я себе. — Или не будет. Тогда я просто сдохну, и Варю всё равно продадут. Так что деваться некуда. Ставки сделаны, ставок больше нет».

Я бросил в кипяток горсть сухих коричневых стружек — вода потемнела, пошёл горьковатый запах, от которого защипало в носу. Минуты тянулись, как вечность. Через десять минут — железный мох: зашипел, на поверхности выступила белая пена, похожая на слюну бешеного пса. Я помешал деревянной палкой, снимая пену. Палка дымилась, и я чувствовал, как жар поднимается к лицу, сушит глаза.

Смесь загустела, стала похожа на кисель. Я снял горшок с огня. Добавил медвежью желчь и мёд — жидкость вспенилась, пошёл резкий, сладковато-горький запах, от которого закружилась голова.

«Пора».

Система:

ОБНАРУЖЕН ПРОЦЕСС ВАРКИ ЭЛИКСИРА.

АКТИВИРОВАТЬ РУНЫ? ДА/НЕТ.

РЕКОМЕНДУЕТСЯ ВОССТАНОВИТЬ ФОКУС ДО 8/10.

ВАРИАНТ: АКТИВИРОВАТЬ ЧЕРЕЗ НР.

ПРОГНОЗ: -4–6 НР.

— Да, — сказал я. Горло пересохло, язык стал шершавым, как наждак.

— Руна «Твердь».

Фокус: 3/10 0/10. НР: 8/18 5/18. Жидкость в горшке перестала дрожать, стала зеркальной, как поверхность пруда в безветрие. Внутри что-то сжалось — как будто невидимая рука стиснула желудок и медленно выкручивала его, выдавливая остатки сил.

— Руна «Острота».

Удар был сильнее. Внутри что-то хрустнуло — ребро? Сустав? Вкус крови во рту, тонкая струйка из левой ноздри. Кровь была горячей, она стекала по губе и капала на рубаху, оставляя тёмные пятна.

НР: 5/18 1/18.

Эликсир вспыхнул белым холодным светом, осветив все трещины в стенах. А потом — БАХ!

Горшок разлетелся на куски. Глиняные осколки вонзились в стены, в потолок, в меня. Один чиркнул по щеке, оставляя горячую полосу. Другой — в предплечье, глубоко, до кости. Боль была острой, отвлекающей — именно такой, которая возвращает с небес на землю.

Меня отбросило к стене. Затылок треснулся о бревно, и по позвоночнику разлилась тупая горячая боль, будто туда залили расплавленный свинец. Я сполз на пол, в лужу из эликсира, осколков и своей крови. Чувствовал, как тёплая жидкость пропитывает рубаху, смешиваясь с грязью.

КРИТИЧЕСКАЯ ОШИБКА!

ПЕРЕГРУЗКА РУННОЙ ФОРМУЛЫ.

НЕСОВМЕСТИМОСТЬ КОНТЕЙНЕРА (ГЛИНА).

ЭЛИКСИР: НЕ СОЗДАН (РАЗРУШЕН).

НР: 1/18 0/18.

ФОКУС: 0/10.

ШКАЛА «СМЕРТЬ»: 50% И РАСТЁТ.

Я лежал в луже, глядя в продымленный потолок. Мысли текли медленно, как патока. «Варя дала мне отвар, — вспомнил я. — Может, он остановит смерть? Или только отсрочит? Сколько у меня времени? Пять минут? Десять?»

Шкала замерла на 60%, потом медленно поползла вниз — отвар сработал. Я оставался в сознании, едва дыша, чувствуя, как кровь смешивается с грязью и остатками зелья. Каждый вдох был борьбой, каждый удар сердца — маленькой победой.

Дверь бани с грохотом распахнулась. На пороге стоял Алексей — пьяный, красномордый, с бутылкой браги в одной руке и кнутом с узлами — в другой. Глаза его горели злобой и недоумением.

5.

— Что ты тут устроил?! — заорал он, не веря глазам. — Ты разнёс мой сарай! Здесь сбруя лежала, седло! Всё в осколках! Ты знаешь, сколько это стоит?! Больше, чем ты стоишь! Больше, чем весь твой поганый род!

Он шагнул ко мне, спотыкаясь о глиняные черепки. Я пытался подняться, но тело не слушалось — руки скользили в грязи, ноги подкашивались. НР ноль — не просто плохо, это паралич. Сердце ещё бьётся, но мышцы отказываются. Ты живой труп, который ещё дышит, но уже не движется.

— Лежи, червь! — Алексей занёс кнут.

Удар пришёлся по плечам — раздирая рубаху и кожу, оставляя горячий след, как от раскалённой проволоки. Я дёрнулся, но не закричал. Не заслужил он моего крика. Боль была острой, живой — она прошла по нервам, как электрический разряд, и утонула в океане холода внутри меня.

Второй удар — по ногам, я почувствовал, как лопнула кожа на икрах. Кровь потекла по щиколоткам, смешиваясь с грязью на полу.

Алексей занёс кнут в третий раз. И в этот момент внутри меня что-то щёлкнуло — тот самый тумблер, который включается, когда выхода нет. В Чечне я так выживал в засаде, в Сирии — когда кончились патроны. Сейчас — когда НР ноль, а враг заносит плеть, и за спиной Варя, которую некому защитить. Когда всё кончено, но ты ещё не умер.

ВНИМАНИЕ.

ОБНАРУЖЕНА СКРЫТАЯ СПОСОБНОСТЬ

«СТАЛЬНАЯ ВОЛЯ».

АКТИВИРОВАТЬ? ЦЕНА: 2 НР ПРИ

НУЛЕВОМ ЗАПАСЕ.

РИСК СМЕРТИ — 60%.

— Активирую, — прошептал я, не веря, что ещё могу говорить.

Тело дёрнулось — не само, я заставил его. Тратя несуществующее здоровье, сжигая резервы, которые должны были поддерживать сердцебиение. Я поймал кнут в воздухе — руку обожгло, но я не отпустил. Кожа на ладони лопнула, но пальцы сжались мёртвой хваткой. Дёрнул на себя, заставив Алексея сделать шаг вперёд, потерять равновесие. Второй рукой — левой, слабой, дрожащей — вцепился ему в запястье и выкрутил.

Алексей заорал — не от боли, от неожиданности. Этот тощий мусор, который минуту назад лежал в луже без сознания, вдруг взял его на болевой контроль. Кнут выпал, пальцы разжались. Его глаза расширились, и в них мелькнул страх — настоящий, животный, которого он никогда не испытывал ко мне раньше.

— Не смей меня бить, — сказал я, глядя ему в глаза с такой холодной яростью, что он на секунду забыл, что он старший. Забыл, что он маг. Забыл всё, кроме этих глаз — мёртвых, холодных, как зимнее небо.

«СТАЛЬНАЯ ВОЛЯ» АКТИВНА.

ДЛИТЕЛЬНОСТЬ: 5 С.

НР: 0/18 -2/18.

ЛЕТАЛЬНЫЙ ИСХОД ЧЕРЕЗ 30 С.

Пять секунд. Я отпустил его, оттолкнул к стене и рухнул на колени. Всё. Больше ничего не мог — даже дышать стало трудно, лёгкие отказывались принимать воздух. Тело превратилось в мешок с костями, который отказывался подчиняться.

В дверях появился отец. Он окинул взглядом разгром: разбитый горшок, лужи, осколки, кровь на стенах, меня на коленях, Алексея с вывернутой рукой, который пятился к выходу, бормоча проклятия.

— Что здесь произошло? — спросил он. Голос спокойный, но глаза бегали, как у затравленного зверя.

— Этот мусор... — начал Алексей.

— Заткнись, — оборвал его отец. Он подошёл ко мне, наклонился. — Димка. Ты жив?

— Почти, — выдохнул я. — Почти, но ещё держусь.

— Сборщик приедет через три дня, — сказал отец. — Вяземские передвинули срок. Недели не будет. Три дня. Или ты найдёшь деньги, или я отдам им Варю в услужение. Выбора нет. Ты понял?

КВЕСТ «ДОЛГОВАЯ ЯМА» ОБНОВЛЁН.

СРОК: 3 ДНЯ.

НАГРАДА: 200 ОПЫТА.

ШТРАФ: ПОТЕРЯ ВАРВАРЫ.

Три дня. Вместо семи — три. Я попытался сказать что-то, но сознание ускользнуло — как вода сквозь пальцы. Последнее, что я увидел: лицо отца, растерянное, старое, с

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.